

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алекс КОШ

ОГНЕННЫЙ
ФАКУЛЬТЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алекса Коша

в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ОГНЕННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ОГНЕННЫЙ ПАТРУЛЬ

ОГНЕННЫЙ ОРДЕН

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алекс КОШ

ОГНЕННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Роман

Москва, 2011
 АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

ПРЕЛЮДИЯ

Наступило обычное утро обычного дня в совершенно обычном городе. Солнце взошло над сводами золотистых крыш и бесконечными кварталами столицы Империи Элиров — Литы. Вы спросите, что это за город такой — Лита? Вы можете утверждать, что такого города нет на картах мира. И будете правы, но лишь наполовину. Его действительно нет ни на одной карте ВАШЕГО мира, и он никогда не существовал и не будет существовать в ВАШЕМ времени. Но, быть может, Лита существует где-то в ином времени и мире? Кто знает. Добраться до этого города очень трудно... практически невозможно (сам вот уже целый год пытаюсь). Хочется надеяться, что ученые ВАШЕГО мира до него никогда и не доберутся. Уж очень он специфичный, этот город. При условии, конечно, что он и вправду существует. А если мы все же примем как факт существование этого красивейшего города, то и восхождение над ним солнца (или солнц, тут все зависит от времени года) определенно тоже будет являться фактом. А раз так, то...

Солнце взошло над золотым городом. В этом нет ничего необычного, оно встает над ним уже не одно тысячелетие. С рассветом в городе пробуждается жизнь. Солнце безжалостно изгоняет из города безликие тени, живущие своей, одним им известной жизнью, заставляет этих ночных охотников затаиться в щелях и подвалах, а ночью они вновь выйдут на охоту. И именно в это время, когда солнце едва появляется из-за горизонта, начинается жизнь днев-

ная. Раскрываются «ромашки» для улавливания солнечных лучей, их задача — не упустить ни одного ценного «мага». Город становится похож на большой сад с единственным видом цветов — золотистыми ромашками всех размеров.

«Ромашки» появляются на улицах, площадях и на крышах домов зажиточных людей, тех, которые могут себе это позволить. Обычные люди, которым недоступны «ромашки», используют крыши своих домов, покрывая их специальным составом, более доступным, но менее продуктивным в улавливании энергии.

Огромная «ромашка» высится над дворцом, стоящим в центре города. Это прекрасное здание, построенное довольно давно даже по меркам знаменитых долгожителей — вампиров и друидов, — ослепляет своей красотой и величием любого человека, будь то заезжий гость или житель города, видящий дворец каждый день. Золотые округлые башни поражают изяществом узоров. И лишь одно сооружение во всем городе может поспорить с ним своим великолепием... АКАДЕМИЯ.

Академия представляет собой самую большую (точнее, единственную) в городе башню, возвышающуюся над городом и обнесенную высокими стенами. Но главная отличительная особенность башни вовсе не высота, а материал, из которого она построена, — удивительный камень, добываемый в Дальних Горах. На фоне золотых домов причудливых форм каменный исполин выглядит, мягко говоря, вызывающе. Каждый житель города хоть раз в жизни побывал на площади перед этим зданием в пору своего юношества или зрелости, но лишь избранные смогли войти в него для обучения.

И вот теперь, в год двести пятидесятый с восхождения на престол великого короля Сирия, как это случалось каждые тридцать три года, наступил долгожданный день принятия в Академию. Именно в этот день все жители города от мала до велика собирались перед воротами Академии для прохождения испытаний, с помощью которых выявлялись те, кого впоследствии будут именовать АДЕПТАМИ, или, проще говоря, учениками. Прохождение испы-

таний вовсе не являлось обязательным, и любой, кто не захотел бы их проходить, мог спокойно остаться дома. Но каждый горожанин мечтал попасть в эту башню. Даже те, кто не прошел в Академию тридцать три года назад или еще раньше, вновь собирались здесь, чтобы еще раз испытать судьбу. И хотя не было еще случая, чтобы кто-то поступил со второго или третьего раза, все они лелеяли надежду, несмотря ни на что, попасть в число избранных. Должен заметить, что число избранных было всегда не очень велико — около двухсот человек. И это в то время, когда население города составляет не один десяток тысяч человек (и не только человек)! Злые языки поговаривали, что идет вырождение, ведь раньше в башне обучалось много больше людей, кто-то полагал, что просто сильно ужесточились требования и с каждым годом в Академию попасть все труднее и труднее. Но об этом говорили тихо (такова уж особенность злых языков — говорить тихо), и, несмотря на слухи, люди все равно приходили попытать счастья.

В испытаниях мог принять участие любой, невзирая на возраст, пол, рост, вес и происхождение. Все были равны. И родители со своими детьми, и жены с мужьями — все приходили в надежде стать избранными и научиться... РЕ-МЕСЛУ.

АКТ ПЕРВЫЙ, судьбоносный

Скоро будет новый набор. Я возлагаю на него большие надежды.

Фраза, сказанная вскользь одним весьма достойным Ремесленником.

Вы где набрали этих недоумков?!
Восклицание неизвестного учителя.

Ученье свет... но это отнюдь не означает, что вампирам чужда тяга к знаниям.

Обычно эти слова приписывают одному из самых кровожадных вампиров современности, уничтожившему несколько городов просто ради интереса.

Действие 0

«Ромашки» уже успели уловить свои первые порции ценных «магов», люди засуетились, спеша на церемонию принятия в Академию. Но были и такие места в Империи Элиров, где солнце не светило никогда. И жители этих мест редко когда торопились куда-либо, потому что в их распоряжении была вечность... конечно, при условии, что они не лезут лишней раз на рожон.

Увы, почему-то именно чувство самосохранения у вампиров притуплялось еще в раннем детстве. Видимо, таков был механизм природной регуляции их численности. Необычайно живучие, умные, сильные, вампиры давно бы заполонили весь мир, если бы не их любопытство, кровожадность и практически полное отсутствие здравого смысла.

Именно такими были настоящие вампиры.

Кельнмиир всегда считал себя самым типичным вампиром. Вот только кровожадность у него с веками слегка притупилась, потерянный на какой-то ступеньке эволюции здравый смысл неожиданно нашелся, а вот любопытство... превратилось в настоящую манию. Не так уж и много осталось в этом мире вещей, которые могли удивить старого

вампира. И исключительно поиску этих удивительных вещей с некоторого времени и был посвящен весь его досуг. Кроме того, в последнее время в его планах на каждый день появилась новая, очень важная графа — «выжить!». За одним из самых старейших вампиров гонялось огромное количество людей, немалое число собратьев вампиров и даже несколько завязых пацифистов друидов.

Трудно сказать, что привело Кельнмиира в эти подземные катакомбы — любопытство или погоня. Скорее всего, имело место влияние обоих факторов. Как бы то ни было, вампир вот уже битых четыре часа полз по узкому лазу... очень напоминающему обычную канализацию. Особенно сильно мысли о канализации навевал запах и огромное количество больших и наглых крыс. Впрочем, наглость серых хозяев канализации мигом улетучилась, едва голодный Кельнмиир позавтракал парочкой из них.

«Да уж,— Кельнмиир мысленно усмехнулся,— докатился ты, Царь вампиров недоделанный. Питаешься крысами, ползаешь в грязи и отбросах. И не стыдно тебе?»

Он немного подумал и решил, что все же не стыдно. В конце пути его, возможно, ждало нечто весьма интересное, а именно: по некоторым сведениям, где-то в этом районе, под землей, должно располагаться поселение вампиров из клана Ноос. Дневного клана.

Тайна этого клана занимала Кельнмиира вот уже несколько месяцев. Такого азарта он не испытывал давно, пожалуй, с последней охоты на драконов в Дальних Горах... когда же это было? Кажется, десять или одиннадцать веков назад.

И вот теперь он полз по канализации. Не то чтобы не было другой дороги в убежище дневного клана, просто люди Императора чуть не схватили его, когда он в очередной раз наведаясь в Школу Искусств к своему старому другу. В последнее время старик Неил совсем сдал, и вампир старался заходить к нему как можно чаще. Этим-то и воспользовались люди Императора. Они подстерегли его на подходе к Школе, и Кельнмииру пришлось спешно отступить (точнее, убежать) через канализацию. Очень кста-

ти в его голове всплыла давным-давно изученная карта тоннелей под городом. Ведь как знал, специально изучил каждую трубу и каждый колодец в городе!

Сейчас должен быть поворот налево... правильно. А теперь несколько метров прямо, и... стоп!

Кельнмиир в нерешительности остановился.

Здесь же должен быть только поворот направо. Никакого ответвления в этом туннеле быть не должно! Кажется, направление поисков было выбрано правильно, если, конечно, какой-нибудь зажиточный Великий Дом не соорудил себе за эти несколько лет (или какой там давности была эта драконова карта) дополнительные колодцы.

Кельнмиир пополз дальше, внимательно осматриваясь по сторонам.

Трубы, трубы... пусть они и немного почище, чем те, что были километр назад... Ага! Почище, говорите? Странно, с чего бы канализационным трубам быть чище?

Где-то впереди послышались неожиданно громкие голоса.

Вот оно!

— Ты не посмеешь! — произнес мужской голос.

— Я не посмею?!

А это уже женский, причем довольно молодой.

— Я тебе не позволю!

— Ты не позволишь?!

Кельнмиир усмехнулся.

Да уж, содержательный диалог, ничего не скажешь. Но дело не в этом, а в том, что он наконец-то нашел дневных вампиров! Теперь он чувствовал их ни с чем не сравнимую ауру...

— Ты же сам говорил, что мы почти ничем не отличаемся от людей.— В женском голосе послышались просительные нотки.— Так почему я не могу поступить в Академию?!

Вот это уже интересно. Вампирша хочет поступить в Академию? Кельнмиир представил лица Ремесленников в тот момент, когда на площади появится такое чудо, и едва сдержал смехок.

— Хотя бы потому, что наши противники не позволят тебе даже подойти к Академии Ремесла! Зря ты заявила о своем намерении в открытую. Если бы ты все сделала тихо, то у тебя еще был бы маленький шанс. А теперь... они же тебя просто убьют, едва ты выйдешь на улицу!

— Мы еще посмотрим, кто кого убьет,— прошипела девушка.

Кельнмиир мысленно похлопал ей. Молодец, девочка.

— Дракон тебя подери, я запрещаю тебе!

— Ты мне не отец! — дерзко ответила вампирша. — А я уже не маленькая!

Послышался звук пощечины, быстрые шаги... хлопнула дверь... задвинулся засов.

— Эй! Да девчонку заперли! — поразился Кельнмиир и осторожно пополз дальше по трубе. С каждым метром он все отчетливей слышал тихие всхлипы вампирши и все яснее ощущал ее ауру. Наконец он уткнулся носом в железную решетку.

«А ведь этим можно воспользоваться», — подумал Кельнмиир, но тут же постарался выкинуть эту мысль из головы. С некоторых пор самые привычные мысли о предательстве и подлостях перестали доставлять ему обычное удовольствие, скорее наоборот — угнетали его. Сам он объяснял это тем, что даже вампиры, которые по идее остаются детьми навсегда, когда-нибудь взрослеют... но никто ему не верил, даже медленно увядающий старик Неил...

Тем не менее Кельнмиир не удержался и обставил свое появление, как подобает настоящему вампиру. Убедившись, что юная вампирша отвлеклась, он мягко вырвал решетку, вполз (труба выходила в комнату на уровне пола, кстати, я не забыл сказать, что диаметром она была всего лишь в двадцать сантиметров? А вы что хотели? Вампиры очень гибкие существа!) в комнату и так же тихо поставил ее обратно.

— Кхм,— культурно привлек он к себе внимание.— Простите, девушка, вы не подскажете, как пройти в библиотеку?

— Прямо по коридору и первый поворот налево,— по инерции ответила вампирша и в следующую секунду взви-

лась в воздух, принимая боевую трансформацию.— Ты кто? Как сюда попал?!

— Как некультурно,— вздохнул Кельнмиир.— Обращаться к старшим на «ты». А ведь мы друг другу еще даже не представлены.

— Назовись! — выкрикнула вампирша.

— Будь по-вашему,— согласился Кельнмиир.— Позвольте представиться, один из старейших представителей клана Миир, последний Царь вампиров... Кельнмиир.

Он не удержался от очередного позерства и поклонился.

В тот же миг вампирша попыталась на него напасть. Попытка эта была, безусловно, глупой, но забавной.

Кельнмиир рассмеялся и, ухватив вампиршу за загривок, поднял ее в воздух и потряс:

— Ау! Кажется, у вас проблемы со слухом? Я же представился, где ваши манеры, будьте добры, представьтесь и вы.

— Алиса,— буркнула девушка, продолжая висеть в цепких руках Кельнмиира и поняв всю бесполезность своего сопротивления.

— Хорошее имя,— одобрительно сказал Кельнмиир и очень понадеялся, что его голос при этих словах предательски не дрогнул. Имя молодой вампирши всколыхнуло в его душе тяжелые воспоминания... которые он старался загнать как можно глубже...

— Вот мы и познакомились,— продолжил он, отогнав невеселые мысли.— Неужели это было так трудно?

Вампирша промолчала.

Кельнмиир мягко поставил ее на пол, предупредив:

— Не шали, детка, ладно? Уж очень не хочется портить твою милую мордочку.

Вообще-то мордочка была отнюдь не милой. Боевая трансформация вампира — это вам не конкурс красоты. Впрочем, вампирша тут же избавилась от трансформации...

— Невероятно... — тихо прошептал Кельнмиир.— Как же ты похожа на нее...

Вампирша гордо вздернула носик, показав, что восхищения противоположного пола ее красотой давно уже стали самым обыденным делом.

— Так что же вы здесь забыли, последний Царь вампиров?

Похоже, оказавшись на полу, вампирша почувствовала себя уверенней.

— Простите, «здесь» — это где? — задал ответный вопрос Кельнмиир.— Видите ли, я тут неподалеку прогуливался по канализации... и совершенно случайно стал свидетелем вашего разговора с...

Кельнмиир вопросительно посмотрел на Алису.

— Это был мой приемный отец.

— Вот-вот, с приемным отцом,— продолжил Кельнмиир.— Я так понимаю, вы бы хотели поступить в Академию? А вам почему-то запрещают...

— Он просто волнуется за меня,— тихо сказала вампирша.— А не позволяют мне поступить в Академию совсем другие личности.

Кельнмиир даже затаил дыхание, до чего ему стало интересно.

— Какие, если не секрет?

— Думаю, раз уж вы все равно сюда забрались, то не секрет. Наш клан,— Алиса глянула на Кельнмиира, и тот кивнул, дескать, понял, о каком клане говорят,— разделился на две партии. Первая, наиболее многочисленная, считает, что нам необходимо заручиться поддержкой одного из вампирских кланов, а то и примкнуть к одному из них, а вторая партия предпочитает сотрудничество с людьми. Признаюсь, в этой партии, помимо меня, всего несколько вампиров. Не знаю, почему я вам все это рассказываю...

Зато это отлично знал Кельнмиир. Безусловно, вампиры не могли подвергаться гипнотическим воздействиям, но за многие века можно было научиться некоторым методам воздействий, которые были намного сильнее гипноза, например умению располагать к себе. Этим-то сейчас Кельнмиир и воспользовался. Никакого подавления воли, как в гипнозе,— просто легкое расположение к себе. К тому

же ему помогала врожденная способность вампиров мужского пола влиять на девушек.

— Потому что я хочу тебе помочь,— сказал Кельнмиир и неожиданно понял, что говорит совершенно искренне.

— И как же вы можете мне помочь? — вздохнула Алиса.

— Прежде всего я могу помочь тебе выбраться отсюда,— ответил Кельнмиир, внимательно посмотрев на железную дверь.

— А потом? — не отставала вампирша.

Кельнмиир подошел к двери и мягко толкнул ее. Железная дверь слегка просела в дверной коробке, не издав при этом ни звука.

— А потом я дам тебе несколько советов, следуя которым ты сможешь пройти все испытания в Академии.

— Вы шутите?! — вскричала Алиса.

— Отнюдь,— ответил Кельнмиир и еще раз толкнул дверь.

И он действительно не шутил. Обо всех испытаниях для поступающих в Академию он узнал еще лет триста назад. Любознательного вампира не мог не заинтересовать такой интересный вопрос, и ответ на него был найден... а каким способом... Какая теперь разница?

С третьего толчка дверь плавно вышла из проема, и Кельнмиир аккуратно прислонил ее к стене. Все это было сделано очень тихо.

— Так что ты там про библиотеку говорила? — спросил Кельнмиир Алису.

— Прямо по коридору, а потом налево,— послушно повторила вампирша.— А зачем она вам?

— Я не могу уйти отсюда, не заглянув в библиотеку,— честно ответил Кельнмиир.— Мало ли чего интересного можно найти...

— Да нет там ничего интересного,— отмахнулась Алиса.— Я давно уже все книги перечитала — одни скучные летописи да сказочки. И никаких страшных,— вампирша сделала большие глаза,— тайн там нет.

Кельнмиир неопределенно хмыкнул. Откуда девчонке знать, что подчас самые страшные тайны прячутся именно в скучных летописях.

Как оказалось, гордым словом «библиотека» именовалась небольшая комнатка с одним столом и несколькими полками для книг, заставленными лишь наполовину.

— Видимо, кто-то взял почитать пару книг,— виновато сказала Алиса.

— Ничего, обойдемся тем, что есть,— чуть ли не пропел Кельнмиир.

Книги были его слабостью. Он обожал читать и пускался в самые опасные приключения ради всего лишь одной книги. А здесь... из всех книг, стоящих на полках, он не читал всего лишь две. Это он определил сразу и наверняка.

— Так, что у нас здесь? — забормотал Кельнмиир, пока Алиса опасливо выглядывала из комнаты, не идет ли кто.— Вот то, что меня интересует,— история клана...

Кельнмиир начал читать с бешеной скоростью, переворачивая страницы практически одну за другой. Неожиданно он прекратил листать страницы и удивленно уставился в книгу:

— Ни...

Алиса, следившая за коридором, повернулась к Кельнмиру.

— Кто-то идет сюда,— тихо сказала она.

— Ни... — повторил вампир и не двинулся с места.

Вампирша подбежала к Кельнмиру и дернула его за рукав:

— Нам надо уходить.

Кельнмиир даже не шелохнулся.

— Эй! — Алиса помахала рукой перед его глазами.

Никакой реакции.

— Да пойдем же,— повторила вампирша и попыталась вырвать из рук Кельнмиира книгу.

Не получилось — он вцепился в нее мертвой хваткой.

— Ни... х... — прошептал Кельнмиир, а потом добавил уже более твердым голосом: — Ничего себе заявочки!

В коридоре послышались тихие шаги.

— Надо уходить,— опомнился Кельнмиир, выдергивая из книги заинтересовавшую его страницу и ставя талмуд на место.

— Опомнился,— вздохнула Алиса.— Что же ты там такое прочитал?

— Этого тебе пока что лучше не знать,— ответил Кельнмиир, даже не обратив внимания на то, что вампирша без разрешения перешла на «ты».— Ты узнаешь об этом позже...

Они тихо вышли из библиотеки, и Алиса повела Кельнмиира по коридорам к выходу на поверхность.

— Мне нужно попасть на принятие,— напомнила вампирша.

— Ты попадешь на принятие,— спокойно ответил Кельнмиир.— И ты поступишь в Академию.

— Надеюсь,— вздохнула Алиса.

«Ты обязательно поступишь в Академию,— повторил про себя Кельнмиир.— А я тебе в этом помогу в обмен на небольшую услугу...»

Действие 1

Эта ночь была очень странной. Мне снилось одно и то же сновидение, раз за разом, до самого утра.

Станный узкоглазый человек в белой одежде, напоминающей ливрею Ремесленников, очень долго, будто целую вечность, смотрит мне в глаза. Он видит меня насквозь... видит мое прошлое, мое будущее...

Неожиданно я понимаю, что сейчас он смотрит именно в мое будущее, читает его, как обычную книгу...

— Знаешь,— наконец произносит он,— я бы на твоём месте сделал харакири...

— Зак!

— Да, тетя, уже иду!

Я в который раз посмотрел в зеркало.

Ну, теперь уж точно готов.

Свои длинные темные волосы (так нравящиеся девушкам) я собрал сзади в хвост, костюм надел подобающий—золотой, музыкалу запихнул в один из множества карманов и прихватил пару муз своего сочинения. Так уж получилось, что я люблю слушать именно собственные произведения. Хотя порой мне кажется, что называть эти произведения своими — лицемерие. Можно ли считать музыку, приходящую к тебе во снах, своей? Не знаю... Если совершенно случайно встречу Ремесленника на сегодняшнем принятии и он соблаговолит меня выслушать, то я обязательно задам ему этот вопрос. Тогда хоть какая-то польза от сегодняшней прогулки будет. Хотя о какой прогулке идет речь, если мне придется весь день толкаться в очереди?

Как я слышал из рассказов, в очереди на прохождение испытаний придется простоять как минимум полдня, так что музыки сегодня я еще успею послушаться вдоволь. И кому это нужно, спрашивается? Подумаешь, великая честь — вновь идти учиться. Вот всю свою сознательную жизнь мечтал...

Не привык я к строгим костюмам с этими их ненавидимыми обтягивающими брюками и нелепо блестящим смокингом. К тому же золотой цвет быстро пачкается, а уж все, что только возможно испачкать, я испачкаю моментально. Карма у меня такая. И еще мне почему-то все время кажется, что стоит мне надеть золотое и встать рядом с одним из золотых домов — как я сольюсь со стеной и стану невидимым... кстати, а ведь это мысль!

— Спускайся немедленно, мы тебя уже заждались!

Ох уж мне эта тетя с ее причудами. Я же собрался час назад. И чем ей не понравился мой обычный наряд? Подумаешь, не такой франтовый и модный, как праздничный, зато очень удобный и не такой кричащий. А теперь каждый второй будет коситься на меня со смесью зависти и ненависти: «Ишь, вырядился щенок! Попробовал бы сам денги заработать, а не родительские тратить». Но что я-то могу сделать? Родственников, и уж тем более родителей, не выбирают.

Я окинул прощальным взглядом свою комнату, взял под мышку зеркало и вышел в коридор.

В коридоре, как обычно, темень — экономят «маги». Очередная причуда. У нас этих «магов» в хранилище под домом — хоть собственный филиал Академии открывай. Я удивляюсь, как тете не стыдно по улицам ходить и людям в глаза смотреть.

Внизу меня уже поджидала вышеупомянутая тетья с двумя племянницами. Тетья — дородная женщина среднего возраста (100 — 150 лет) с добродушным лицом и обманчиво смешливыми глазами. В этих глазах часто плескался смех, но только до тех пор, пока тетья была довольна действиями окружающих. Стоило кому-либо огорчить или разозлить тетью Элизу, и у этих веселых глаз появлялся ледяной оттенок, которого боялись очень многие, в том числе и я сам.

О племянницах говорить особо нечего — обычные девочки пятнадцати лет. Две блондинки-близняшки, которые никоим образом не могут развеять мою скуку интересной беседой.

— Сколько можно прихорашиваться? — с сарказмом спросила одна из племянниц — Фло... кажется.

Никогда я не смогу различить этих двух близняшек. Вот все могут, а я не могу, и все тут. И они еще, как назло, все время ходят в совершенно одинаковой одежде.

Я проигнорировал слова близняшки и прошествовал мимо них на улицу, положив по пути зеркало на столик возле двери.

Они последовали за мной, не переставая шептаться и тихонько смеяться. Последней вышла тетья и закрыла за собой дверь на энергоключ, задействовав, таким образом, сложную систему охранных заклинаний.

— Так, дети,— обратилась она к нам, пока мы двигались с толпой в сторону центра города,— теперь я немного расскажу вам о том, что вам предстоит. Прежде всего будет обычная проверка на силу и тяготение к основным элементам, но об этом вы наверняка и так наслышаны, так что не будем тратить время. Если же вы пройдете эту

проверку, что очень маловероятно, — тетьа с обидной усмешкой посмотрела в мою сторону, но я сделал вид, что ничего не заметил, — то наступит черед настоящих испытаний. Хотя для каждого человека испытания индивидуальны, я могу дать вам пару советов. Во-первых, говорите только правду. Они все равно о вас рано или поздно узнают. Во-вторых, не стесняйтесь задавать вопросы и не торопитесь с решениями. Задачи не так просты, как кажутся. И в-третьих, не вздумайте пререкаться с Ремесленниками. Они этого не терпят. Последний, кто с ними пререкался, до сих пор не может даже лампу зажечь.

Кейт и Фло испуганно замолкли.

Да, зажечь лампу проще некуда, всего-то используя простое энергетическое действие, собственно, саму лампу и пару «магов» из хранилища. Я, конечно, слышал, что Ремесленники могут отбирать способности к использованию «магов», но чтобы лишали всех способностей, даже самых простых, необходимых в повседневной жизни, — такое я слышал впервые. Без этих способностей я бы даже музыкалу слушать не смог. Ужас какой!

Мы шли в потоке людей, спешащих в центр города для прохождения испытаний, а нам навстречу двигались огорченные толпы не прошедших даже первый, предварительный этап. Они зло смотрели на тех, кому еще предстояло пройти испытания, и, как обычно, двигались в сторону пивнушек. Это стало уже давно устоявшейся традицией. В день принятия все, кому не повезло (то есть почти весь город), расслаблялись в пивнушках, чтобы завтра забыть про свою неудачу и порадоваться за тех, кому повезло. А сегодня они были злы на весь свет, о чем с радостью сообщали всем, кто проходил мимо.

Странная атмосфера царилa на улицах в этот день. Праздник сам собой затухал ближе к вечеру, и наступала чуть ли не пора траура. Каждый жалел себя и напивался вдрызг (не считая, конечно, детей и женщин). Кстати, испытания имели право проходить только те, кому было больше пятнадцати лет, поэтому все заботы и волнения этого дня детей совершенно не касались, а женщины к Академии

всегда относились не сказать чтобы очень хорошо. Нет, выйти замуж за Ремесленника считалось почетным, даже моя кандидатура — даром что я представитель Высшего Дома — меркла на фоне настоящего Мага¹. Но вот заниматься ремеслом самим девушкам почему-то не улыбается, хотя среди поступивших все равно оказывается около пятидесяти женщин... уж не знаю, что ими при этом движет.

Все это известно мне лишь понаслышке и из книг, потому что сам я еще слишком молод и ни одного принята не видел. И, кстати, не очень представляю, чего могу лишиться, если не пройду испытания. А я ведь их и не пройду по ряду не зависящих от меня причин...

— Зак!

Ко мне через толпу пробирался мой старый друг Чез. Он, как всегда, улыбался до ушей и вел под ручку очередную свою (а может, и не свою) подружку. Девушки так и вились вокруг моего рыжего друга-здоровяка, но я был единственным из всей нашей компании, кто ему совершенно не завидовал. По мне, так от девушек одни проблемы.

— Чез! Ты уже прошел? — нетерпеливо спросил я, когда он подошел к нам своей фирменной вихляющей походкой.

— Нет еще, мы же договорились вместе идти, — ответил он, слегка обидевшись. — Ну что, пошли?

Я вопросительно посмотрел на тетю.

— Ну иди...

Я обрадованно повернулся было к Чезу...

— ...только возьми с собой девочек, у меня еще кое-какие дела остались, а потом возле ворот я их заберу.

Вот только этого мне и не хватало.

— Но, тетя...

— И нечего строить из себя мученика, потерпишь, ничего с тобой не случится. — В голосе тети зазвенел металл.

¹ Понятия «Ремесленник» и «Маг» для жителей Литы практически идентичны, так же как и понятия «Ремесло» и «магия», хотя разница в этих понятиях скрыта существенная. Об этом более подробно рассказывается в «Легенде о даре дракона», которую можно взять почитать в любой городской библиотеке. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Ага, единственное, что мне грозит,— это сердечный приступ или резкое ухудшение слуха в связи с постоянной стрекотней двух девчонок. Я что, похож на няньку?

Я поманил пальцем девочек, всем своим видом показывая, кто здесь самый несчастный человек на свете, и отправился вслед за Чезом.

Подруга Чеза, темноволосая красавица (кто бы сомневался), занялась девочками, и уже через минуту они вместе, смеясь, отделились от нас.

— А где Лиз? — шепотом спросил Чез, едва его новая пассия с девочками под ручку пошла впереди нас.

— Нет никакой Лиз,— устало ответил я.

Каждый так и норовит у меня спросить: «А где Лиз?» Лиз — замечательная девушка, мы с ней хорошо проводили время, но у нее оказались слишком большие планы на будущее. Уж очень она хотела стать женой настоящего Ремесленника (теперь вы понимаете, о чем я недавно говорил?), причем не менее чем третьего ранга. О чем она мне недавно и заявила. А поскольку мне им никогда не стать (тут я с ней полностью согласен), то я должен понимать, что наша связь носит исключительно временный характер. Я понял это, и в тот же день все было кончено. Тут же я сразу заметил и прочие ее «хорошие» качества: заносчивость, высокомерие, лицемерие и другие милые причуды, на которые я раньше почему-то совершенно не обращал внимания.

— Вот и правильно, я же тебе говорил, что она слишком хороша для тебя,— бодро сказал Чез.

Утешил, называется.

— Спасибо, ты настоящий друг,— сказал я.

— Не за что,— как ни в чем не бывало ответил он.

Мы подошли к Площади Семи Фонтанов и остановились, чтобы оглядеться.

— Наши сказали, что будут ждать нас у шестого фонтана,— с сомнением протянул Чез, оглядывая площадь.— Я пойду их поищу, а ты пока постой тут.

С этими словами он прихватил под руку свою подругу, кстати, я забыл спросить ее имя, и шмыгнул в толпу.

Я остался стоять у стены какого-то магазина с двумя подозрительно притихшими девочками. Они что-то сосредоточенно читали, заглянув им через плечо, я увидел модную нынче газету. Помимо очередного упоминания о покушении на нашего любимого (ну конечно!) Императора, на первой странице ничего интересного не наблюдалось. И как им еще не надоело обсуждать одно и то же? С того момента, как в Императорский дворец пробрались двое наемных убийц-вампиров, прошло уже несколько месяцев, а газеты не перестают обсасывать подробности. Скука. Неужели девочкам это действительно интересно?

Хотя это ведь хорошо! Пока они заняты, я могу спокойно послушать музыку. Я послал легкий энергетический импульс на панель воспроизведения и перенесся в чудесный мир музыки. Я даже не заметил, как отключился от внешнего мира, что со мной бывает нечасто. Обычно я это все же замечаю.

Прервало мою идиллию странное ощущение, как будто кто-то внимательно меня рассматривает. Причем рассматривает не поверхностно, а заглядывая глубоко в душу. Такой цепкий, оценивающий взгляд... мерзкий...

Я быстро открыл глаза и огляделся по сторонам. Народ все так же двигался мимо нас в обоих направлениях, но никто не обращал на меня никакого внимания, словно не замечая на фоне золотой стены (я же говорил!). Девчонки продолжали пялиться в свою газету, и мне ничего не оставалось, кроме как вернуться к прослушиванию музыки. Вот только вновь расслабиться я уже не смог. Тут еще кто-то хорошенько прошелся мне по ногам, вконец испортив мне настроение. День начинался не очень-то и удачно.

Прошло каких-нибудь пять минут, и над площадью пронесся ропот. По всей видимости, по площади в поисках людей с особенно яркими способностями проходил парад Ремесленников. Это была обычная формальность, потому что в первый и последний раз человек со столь высоким уровнем силы, что его мог без всяких испытаний определить Ремесленник, появлялся около четырехсот лет назад. Причем впоследствии он стал искуснейшим Ремесленником того времени... кажется, именно он придумал эти гадкие ученические перстни, от которых так трудно избавиться...

И после того случая повелось, что каждый прием процессия из Высших Ремесленников и лучших учеников Академии проходит по городу в надежде отыскать кого-либо с достаточно высоким уровнем силы.

Я выключил музыкалу и с интересом уставился туда, где народ расступался, пропуская людей в красных и синих ливреях.

Красные ливреи принадлежали учителям Академии — Ремесленникам, а синие — ученикам старших курсов. Вот только со своего места я не видел никого, кто мог бы напоминать Высших Ремесленников. Тем более, насколько я помню, они носят серые и черные цвета, я бы их сразу заметил. Видимо, надоело им каждые тридцать три года таскаться по городу, и они занялись более важными делами. Я их понимаю, так как сам не люблю совершенно ненужные порой условности, приличествующие моему положению в обществе.

Они приблизились к строению, рядом с которым ошивался и я со своими родственницами. Я невольно подался вперед, чтобы получше рассмотреть процессию (и чтобы перестать сливаться со стеной). Как ни крути, а парад Ремесленников я вижу первый раз в жизни.

Впереди шли Ремесленники в красных ливреях, за ними в синих. Что меня поразило, так это выражение лиц учителей в красных ливреях, вернее, их полное отсутствие. Их лица не выражали никаких чувств, они регулярно смотрели по сторонам, и трудно было определить, нравится им это занятие или надоело дальше некуда. До этого я видел Ремесленников всего несколько раз, они редко выходят из Академии, поэтому их парад был мне интересен вдвойне. Вот учеников я видел довольно часто, они часто ходили по городу с разными поручениями от Академии. Веселые ребята и девушки, искренне радующиеся своим выходам из Академии, но отмалчивающиеся по любым вопросам, касающимся того, что происходит за стенами башни.

Я вообще не могу понять, почему все ученики Академии довольно добродушны в общении. Вот и сейчас, глядя на

этих старших учеников, проходящих в паре метров от меня, я невольно вспоминаю нашу Школу Искусств. Искусство изучают самые разные люди, принадлежащие к разным слоям населения (а иногда и к разным биологическим видам), вне Школы многих из них разделяет такая пропасть, что диву даешься... а в Школе эти разные люди (и не люди) составляют единый организм — группу. Так же и эти будущие Ремесленники — кто-то смеется, кто-то задумчиво смотрит вдаль, кто-то идет, обнимая за талию девушку. Совершенно обычные люди, встретить я их без синей одежды, я бы не обратил на них внимания. Какая же огромная разница между учениками и Ремесленниками, идущими впереди! Неужели человек к моменту достижения высокого звания Ремесленника так сильно меняется? Возможно, он при этом теряет что-то очень важное?.. Кто знает...

Я настолько задумался, что, сам того не замечая, встал на пути нескольких учеников, слегка отставших от шествия.

— Эй, чего задумался? — раздался веселый голос.

Я удивленно сфокусировал взгляд на говорившем.

Им оказался высокий парень в синей ливрее, идущий под руку с темноволосой девушкой. Они, весело улыбаясь, смотрели на меня, в то время как я придумывал, что ответить.

— ...Да вот думаю, пойдет мне синий цвет или нет, — быстро сориентировался я.

Парочка удивленно уставилась на меня, а потом расхохоталась.

— Доживи сначала до синего цвета, — отсмеявшись, сказал парень и двинулся было дальше, но вдруг остановился и добавил: — Пройди испытание, а там, глядишь, еще встретимся.

Сказав это, он нежно подтолкнул девушку, и они пошли догонять остальных учеников.

Когда они уже почти скрылись за углом, девушка повернулась и подмигнула мне. Я покраснел и поспешил вновь слиться со стеной, возле которой стояли девочки.

Про газету они конечно же давно забыли и теперь смеялись, глядя то на меня, то в ту сторону, куда скрылось шествие.

— Влюбился, влюбился,— тут же заверещали они, едва я к ним подошел.

— Замолчите! — рявкнул я, стараясь скрыть румянец.

Они продолжали верещать, и я просто вновь включил музыкалу, чтобы не слышать их издевательств.

Но не успел я раствориться в музыке, как из толпы вынырнул Чез, уже без своей подружки, и бодренько зашагал к нам.

— Ну что, пошли к воротам, я уже видел там твою тетю. Сдадим ей этих двух недорослей,— он показал пальцем на обиженно надувших губки девочек,— и пойдем по-быстрому поступать в Академию.

Мне бы его уверенность. Как подумаю о том, что из десятков тысяч выберут всего две сотни человек, мне становится грустно. Ну кто я такой, чтобы поступать в Академию? Я даже с обычными-то приборами не в ладах, чего уж говорить о высшем пилотаже? Единственное, с чем я хорошо управляюсь,— это музыкальные инструменты. Но кому нужен обычный музыкант там, где требуются люди с определенными способностями — со способностями к настоящему РЕМЕСЛУ.

Мы направились к воротам. Как ни странно, мой костюм был еще чистым, и люди по привычке расступались передо мной, хотя мне иногда казалось, что толпа с удовольствием затопчет нас, едва увидит золотой цвет Высших Домов. Часто я ловил на себе злые взгляды, но никто не решался на меня наехать, пока рядом со мной возвышался Чез. Девочки не отставали от нас, и вскоре мы вышли к воротам.

Ворота Академии — просто невероятное сооружение. Это огромная арка высотой в добрых полсотни метров и примерно такой же ширины. Вся она украшена невероятно красивой резьбой и буквально светится на солнце. Цвет ее — золотой, это вообще цвет нашего города. И украшена она драгоценными камнями. Все украшения, сэкономленные на каменной башне, были потрачены на это сооружение. А башня-то больша-ая...

Наш город всегда славился своим богатством, и все знали: если хочешь стать по-настоящему известным ювелиром или работником искусств, нужно ехать в Литву. Были у богатства и минусы — так соседи периодически пытались совершать на нас набеги, а поголовье жуликов и бандитов в свое время едва ли не превысило число коренных жителей золотого города. Императору пришлось обратиться за помощью к Ремесленникам, и появились ночные создания — безликие, ставшие ночными стражами, а позднее и бичом нашего города, когда расплодились сверх всякой меры (ума не приложу, как размножаются тени). Секрет создания кровожадных тварей, как и многие другие знания, был утерян, и теперь ни один здравомыслящий человек не выходит ночью из дома без защитных медальонов, которые стоят баснословных денег из-за специфики изготовления — их каким-то хитрым способом вводят под кожу. Охранные заклинания для домов также стали очередной статьёй доходов для Ремесленников...

Но вернемся к нашим... воротам.

Самым удивительным было то, что над этими воротами висела в воздухе прекрасная радуга. Я поневоле залюбовался ею и едва не врезался в очередного упитанного горожанина, проходящего мимо меня с постной миной. Говорят, эта радуга — копия тех, что появляются в Радужном море после особенно сильных бурь. Не знаю, сам я никогда и никуда не плавал и море видел исключительно на картинках в книгах. Почему? Потому что тетя следила, да и до сих пор следит, чтобы ни один волос не упал с моей ценнейшей головы. Я даже за пределами Литвы никогда не был... Ладно, не будем о грустном.

Ослепительная радуга появлялась над воротами Академии только в день принятия, и я видел ее впервые. Все цвета были невероятно сочными и искрились на солнце — будто сотни маленьких фейерверков беззвучно взрывались над ней.

Я смотрел на радугу, пока у меня не защипало глаза и перед ними не поплыли красные круги.

— Ах да, ты же впервые на принятии,— произнес Чез, кладя руку мне на плечо.— На это стоит посмотреть.

Конечно. Это Чез пришел на принятие уже во второй раз. Несмотря на то, что по виду мы с ним примерно одного возраста, он на двадцать восемь лет старше меня. Мне тут же стало жаль друга, ведь, по сути, у него всего один шанс из миллиона быть принятым в Академию — даже меньше, чем у меня. Да и то этот шанс чисто теоретический.

Когда-то давным-давно кто-то из Ремесленников предположил, что магические способности людей (способность управлять энергией, измеряемой в «магах») возрастают со временем. Так-то так, но они не могут возрасти в десятки раз, а ведь именно настолько они должны возрасти, чтобы заинтересовать Академию. Как правило, способности либо средние, их едва хватает для работы по дому (это про меня), либо достаточные для того, чтобы стать настоящим Ремесленником (это не про меня). У Чеза неплохие способности (что уже само по себе является исключением из правил), но хватит ли их, чтобы пройти испытания, да еще и во второй раз? Я уверен на все сто процентов, что не пройду. Даже у племянниц тети, семенящих позади, и то больше магических способностей. Но Чез всегда бредил Академией, и я искренне надеюсь, что он поступит.

— Да... — протянул я.— Ради такого стоило встать в шесть утра.

Чез удивленно уставился на меня:

— Ты шутишь? Ты встал в шесть утра?!

— Ну, не я встал, а меня встали,— уточнил я.— Тетя Элиза растолкала и заставила принять душ, привести себя в порядок...

— Да, тетя у тебя героиня. Я бы даже под страхом смертной казни не рискнул будить тебя в такую рань,— сказал он через плечо, распахивая народ на пути к воротам.

— А я бы под страхом смертной казни не рискнул спорить с тетей,— пробормотал я так, чтобы Чез меня не услышал.

Как я понял, время стояния в очереди сильно преувеличили, потому что более половины пути мы уже прошли и особых преград пока не встретили.

Мы протолкались к воротам и действительно увидели там мою тетю. Она стояла возле самых ворот и разговаривала с одним из стражников.

— Тетя Элиза! — прокричал Чез и преодолел последнюю пару метров до ворот.— Я привел вам ваших девочек. Теперь мы можем идти?

Я аж задохнулся от такого хамства.

Это он привел? А кто за ними следил последние полчаса? Едва я открыл рот, чтобы сказать все, что я о нем думаю, как кто-то сзади прыгнул мне на плечи.

— Зак, как дела? — произнес до жути (именно до жути) знакомый женский голос.

— Привет... Лиз,— сказал я, стараясь скрыть раздражение.

— Как ты? Уже прошел испытание?

Чез молча провел пальцем по горлу, показывая, что пора закругляться и сматывать удочки.

— Как раз собираюсь... — начал я.

— Ну, удачи тебе, а мне пора идти. Я тебя потом познакомлю с Энджелом — это мой новый... друг, он сегодня прошел испытания, так что приходи вечером в клуб «Золотой полумесяц», мы там будем праздновать это знаменательное событие.

Она повернулась и юркнула в толпу, оставив меня с открытым ртом и незаконченной фразой.

— Вот так она с тобой всегда и обращалась,— сочувственно сказал Чез.

— Так уж и всегда,— попытался возразить я.

— Всегда, всегда, ты просто раньше внимания не обращал.

Ну спасибо. Сегодня прямо день комплиментов.

Две сестрицы опять противно захихикали.

— А он себе уже новую девушку нашел,— проговорила одна из них... то ли Фло... а, кто их знает.

Чез опять удивленно уставился на меня. Видимо, ему сегодня суждено весь день удивляться.

Тетя, до этого тактично молчавшая, покачала головой: — Элиза очень достойная девушка из достойной семьи. А ты, Зак, еще слишком молод и глуп, чтобы понять это.— Тетя кивнула девочкам.— Ну, мы пойдем, не будем вам мешать. До вечера, ребята, и удачи вам.

Почему-то особого оптимизма я в голосе тети не услышал.

С этими словами она юркнула в ворота, прихватив с собой близняшек. Я было дернулся за ними, но Чез придержал меня за плечо, и ворота закрылись прямо перед моим носом.

— Куда собрался? Сейчас наши все подойдут, тогда вместе и пойдем со следующей партией. И что это за новая девушка? — подмигнул он мне.— Мне-то ты можешь рассказать.

Я опять покраснел. Да что же это такое?

— Ты слушай их больше,— отмахнулся я и тут же радостно воскликнул: — А вот и наши идут!

Пожалуй, даже слишком радостно. Ну не люблю я разговоры о девушках, что уж тут поделывать. Девушки — самые странные создания в мире, не считая драконов, если они (я имею в виду драконов), конечно, существуют.

К нам действительно приближались парни из нашей Школы. Все мускулистые и высокие. На их фоне я смотрелся как-то тускло. И хотя рост у меня не маленький, да и худобой особой я не страдаю, рядом с ними я кажусь совсем мелким. Ничего не поделаешь, таким уродился. Однако в Школе я всегда был с ними практически на равных и почти не уступал в ИСКУССТВЕ... до тех пор, пока эти ребята не начинали использовать внутренние резервы. Тут мы с Чезом явно отставали от остальных, прежде всего потому, что занимались не так давно.

«Искусство»... сколько смысла сокрыто в этом простом слове. Не меньше, чем в слове «Ремесло». Искусство — это техника и умение владеть своим телом, умение драться и выживать в любых условиях. А вне города нужно уметь

выживать. Правда, вне города я никогда не был и, надеюсь, никогда не буду, но все говорят, что там действительно опасно. Кроме того, в Школах Искусств обучают техникам работы с энергией, которые позволяют со временем научиться некоторым вещам... например левитации или энергетическим ударам... но эта стадия обучения наступает только лет через тридцать—сорок усиленных тренировок...

Я — самый молодой из обучающихся в центральной Школе Искусств, и не могу надеяться на что-то особо выдающееся в ближайшие десять лет, но в общем и целом ощущаю себя весьма неплохо подготовленным физически и духовно, хотя до того же Чеза мне еще ой как далеко.

— Ну что, ребята, готовы пройти это детское испытание? — бодро сказал я, едва они подошли.

Они молча кивнули мне, здороваясь, и так же молча развернулись и встали напротив закрытых ворот. Выглядели они как-то излишне напряженными.

— Что это с ними? — удивленно спросил я Чеза.

— Ах да, ты же еще не знаешь... Видишь ли, у людей, занимающихся Искусством, очень мала предрасположенность к Ремеслу. То есть изначально она примерно у всех одинакова, но со временем Искусство притупляет способность к Ремеслу или, вернее, не притупляет, а направляет в другое русло. Если Ремесленники направляют энергию в основном наружу, то Искусники, наоборот, внутрь себя. Понял?

— Понять-то я понял, но при чем тут это их молчание и смурные лица? Если знаешь, что не сможешь попасть в Академию, то зачем заниматься Искусством?

Я нагло вру — ничего я не понял, но так не хочется углубляться в подробности. Внутрь, наружу... кому это надо? В Школе Искусств учат драться, в Академии учат всевозможным магическим фокусам. К чему усложнять?

Чез вздохнул:

— Ты, как всегда, не до конца все понял, если вообще понял. Они могут попасть в Академию, и это уже неоднократно случалось, просто им требуется полная сосредото-

точность и время, чтобы перестроиться на использование способностей не так, как их используют в Искусстве.

Сколько всего нового узнаешь, а почему мне этого, интересно, раньше не говорили?

Тот же вопрос я произнес вслух.

— А тебе это не нужно, как и мне. Мы с тобой еще слишком мало занимаемся Искусством, чтобы привыкнуть использовать способности каким-либо особенным образом. Мы вообще еще не умеем их толком использовать... Ты же знаешь, что со временем в Школе Искусств начинают учить работе с энергией. Так вот эта работа с энергией в Искусстве и Ремесле слишком... разная. Но нас-то с тобой это не касается, ведь нас ничему подобному еще не обучали. Мы только начинающие...

Ну конечно, уж кто бы говорил. Помню я, как он раскидывал этих здоровяков, прозанимавшихся в секции в два раза дольше нас... правда, должен признать, только в том случае, если они не пользовались энергетическими умениями...

— ...Так что не забивай себе голову всякими глупостями. Пойдем поступать в Академию, а вечером отпразднуем сие знаменательное событие.

Действие 2

Когда предыдущая «партия» испытуемых вышла из открывшихся ворот, мы с Чезом быстренько прошмыгнули во двор Академии. Тут обычно и проходил первый, самый простой и самый важный этап испытаний.

Во дворе еще никого не было, мы были первыми, и я смог спокойно осмотреться по сторонам.

Вся поверхность двора была испещрена узорами, выложенными камнями, привезенными со всех концов Империи (эти сведения почерпнуты мною из лекций Чеза). Тут и невероятно огромные сапфиры, и бриллианты, и простые камни вроде гальки — все было представлено в этой огромной мозаике. И если посмотреть на эту мозаику с

высоты птичьего полета или из окон Академии, то сразу становилось видно, что разнообразные узоры складываются в один символ, известный во всем мире,— символ Ремесла. Этот символ был изображен на всех предметах, созданных в стенах Академии. И хотя похожие рисунки использовали многие Ремесленники-любители, считалось, что символ принадлежит только Академии, ведь именно в ней ведутся самые новые разработки и создаются лучшие техномагические предметы — предметы, использующие энергию магов.

Символ представлял собой золотого дракона, свернувшегося в букву Р и обведенного кругом цвета серебра. Почему именно золотой дракон, я не знаю, но, кажется, это связано с какой-то легендой, которую я слышал лишь в раннем детстве (и не нужно злорадных ухмылок, мне уже двадцать!) и, конечно, уже благополучно забыл, предпочитая сказкам более правдоподобную литературу.

Пока мы стояли и оглядывались по сторонам, во дворе успело собраться немало народу. Вот только не было тут того шума и давки, которые царили на площади перед Академией. Здесь была совершенно иная атмосфера, здесь господствовал торжественный дух принятия. Все, кто попал во двор, замирали (как мы минуту назад), осознавая наконец, что они пришли туда, где решаются судьбы людей.

Мы немного потолкались у входа, приходя в себя, и пошли в центр двора. Там, вокруг Ремесленников в красных ливреях, Высших Ремесленников в серых ливреях и старших учеников — в синих, на почтенном расстоянии собиралась наша «партия» испытуемых. Причем именно собиралась. Не толпилась, как снаружи, а спокойно и культурно собиралась, соблюдая дистанцию и не создавая никакой толпы и давки.

Мы также остановились недалеко от «комиссии по принятию», а именно ею и были те Ремесленники, как нам подсказал кто-то из собравшихся, и стали ждать.

Когда во дворе набралось достаточное количество народу, ворота беззвучно закрылись, отрезав всякие звуки,

доносившиеся с площади. Наступила тишина. Все замерли в ожидании.

Не прошло и пары минут, как над нами раздался спокойный мужской голос:

— Добрый день, дамы и господа. Вы присутствуете на первом этапе принятия. Для тех, кто не знает, объясню: это единственный этап испытаний, на котором от вас лично ничего не зависит. На этом этапе определяются способности каждого из вас к работе с энергией. Тут уж как кому повезло, как кого одарила мать-природа...

Я завертел головой, пытаюсь понять, откуда исходит этот голос. Казалось, что он звучит везде, хотя конечно же этого быть не могло.

— И не надейся,— шепнул мне Чез, видя мое замешательство.— Не найдешь ты никаких приспособлений. Это истинное Ремесло, оно не требует подручных средств. Только Ремесленник и «маги».

Я удивленно прислушался и заметил, что голос вовсе не громок, просто он звучит поблизости, как будто говорящий стоит рядом. И еще... этот голос почему-то кажется безжизненным. Уж и не знаю, почему мне так кажется, но что-то с ним не в порядке... зато как здорово этот голос распространяется по всей площади! Вот это эффект! Вот бы мне так музыку научиться слушать или, еще лучше, на концертах играть. Сказка. И никаких музыкантов и прочих приспособлений. Это даже не сказка — это мечта.

Тем временем странный голос продолжал:

— Все просто. Сейчас каждый из вас внимательно посмотрит по сторонам. Если вы заметите что-нибудь необычное или странное, то немедленно двигайтесь в этом направлении. Для простоты восприятия объясню — это напоминает призму, висящую в воздухе. Если вы ее увидите, это еще вовсе не значит, что вы прошли испытание. Из сгустка магии вам необходимо усилием мысли выделить плотную структуру определенного цвета. Чтобы сделать это, вам нужно всего лишь напрячь свое воображение. Явственно представьте, как цвета начинают двигаться, и у вас все получится. Полностью собранная структура ка-

кого-либо цвета будет означать, что у вас достаточно способностей для прохождения дальнейших испытаний, а ее цвет будет означать тяготение к определенной сфере эфира. Если же вы ничего не увидели или не смогли до конца собрать головоломку... то вам придется попытаться счастья в следующий раз.

Нечто подобное мне уже рассказывали сотни раз. Сейчас все начнут смотреть по сторонам в поисках чего-то необычного. А по прошествии десятка минут тем, кто ничего не увидел, это занятие наскучит, и они начнут расходиться. А те, кто увидел то, что им полагалось, будут стоять на одном месте и в течение определенного времени сосредоточенно смотреть в пустоту. Каждая призма настроена на волну одного — первого уловившего ее человека, и, кроме испытуемого, больше никто не сможет увидеть головоломку до того, как она будет собрана. Когда же какой-нибудь везунчик соберет свою головоломку, вездесущий Ремесленник будет уже рядом (уж они-то точно видят все призмы на площади).

Как говорил Чез, призма имеет всего четыре стороны (кто бы мог подумать), на каждой из которых располагается жуткая смесь «магов», взятых из разных сфер. Всего четыре основные сферы: огненная, водяная, воздушная и земляная. Каждая представляет свою стихию. Причем все устроено так, что только человек с определенным коэффициентом способностей к этой сфере может выделить «маги» этого цвета и перенести их на одну из граней призмы. Когда Высший Ремесленник закончит свою речь, головоломки начнут работать, и каждый испытуемый с достаточными способностями тут же увидит свою магическую призму. Таких, как правило, оказывается немало, но лишь не многие из них впоследствии могут полностью выделить одну из сфер.

Едва стихла последняя фраза, как во дворе началось что-то невообразимое: люди начали шнырять от угла к углу, старательно пытаясь разглядеть что-то в воздухе. Если быть до конца честным, все знали, что если не увидел свою головоломку в течение минут, то никогда ее и не

увидишь... но кто может так запросто признаться себе в том, что мечты рухнули?

Мы с Чезом посмотрели друг на друга и пошли в обход двора с разных сторон. Шли не торопясь и внимательно смотрели по сторонам. То и дело нас кто-то толкал, и мы могли бы быть много раз затоптаны, но не так-то просто сбить с ног человека, занимавшегося Искусством, пусть даже — как в моем случае — срок обучения составляет всего лишь пять лет.

Вдруг Чез остановился, его взгляд уперся в одну точку где-то на уровне трех метров над землей и слегка расфокусировался. Что ж, кажется, он свою призму уже нашел, остается пожелать ему удачи.

Я еще немного побродил по двору, но спустя пару минут пришлось признать, что головоломки я не увижу. Жаль, ведь это могло бы быть весьма интересно.

Я остановился на секунду, чтобы включить музыкалу, и в последний раз окинул взглядом двор. Почти весь народ уже собрался возле ворот, кроме одиноких фигур счастливых, корпящих над своими магическими призмами, и конечно же группы Ремесленников, внимательно следящих за испытуемыми. Чеза я потерял из виду и, включив музыкалу, направился к воротам со скупающими по обе стороны стражами.

Так получилось, что проходить мне пришлось мимо группы Ремесленников и учеников, стоящих в центре площади. Едва приблизившись к ним, я машинально окинул их взглядом и, к своему удивлению, заметил парочку, с которой разговаривал на площади. Они тоже меня заметили и, мигом поняв, что я не прошел испытания, одарили сочувствующими улыбками. Особенно сочувственной была улыбка девушки... хотя кто их разберет...

В музыкале играла очень веселая мелодия, и я подумал, что жизнь, в общем-то, далеко не закончена. Подумаешь, я и не собирался в эту Академию. Зато Чез получил то, о чем мечтал, — возможность попробовать свои силы. Надеюсь, что он пройдет это испытание, а остальное — дело техники.

Уже подходя к выходу, я краем глаза заметил какое-то странное свечение справа от себя. Я тут же, в глубине души надеясь, что это именно то самое «нечто», которое должно было увидеть, повернулся и уловил непонятный сгусток энергии, переливающийся всеми цветами радуги. Почему-то, когда я слышал слово «призма», мне представлялось нечто совершенно другое... Ну уж точно не непонятный ком неопределенной формы и совершенно неудобоваримого цвета. Какие там четыре смешанных цвета? Тут их целая сотня, и все переливаются так, будто этот комок кто-то старательно месит, норовя окончательно слить все цвета в нечто однородное.

И как я эту штуку раньше не заметил?

Признаюсь, цвет этого комка мне совершенно не понравился, хотя с чего бы? Мне неожиданно стало как-то противно. Настолько, что я невольно — таких дурацких привычек за мной сроду не водилось — потянулся к сгустку своей мыслью и попытался привести всю эту кашу в надлежащий вид — выделить хотя бы четыре конкретных цвета вместо этих гадких переливов от бежевого до грязно-фиолетового.

Каково же было мое удивление, когда вся эта масса зашевелилась, будто процесс размешивания непонятого варева повернули вспять, и теперь оно старательно приобретает цвета соединенных в нем ингредиентов. Спустя пару секунд все было кончено — передо мной в воздухе висела не непонятная масса, а аккуратная четырехцветная призма. И что прикажете дальше делать? Любоваться творением рук своих? Хотя при чем тут руки?..

Каждая из четырех граней призмы представляла собой ярко светящиеся своим цветом «маги». Они светились так ярко, что у меня даже зарябило в глазах. Не прошло и пары секунд, которые я провел в немом восторге, как глаза мои начали слезиться. Перед моим взором поплыли красные круги, и я пошатнулся, так до конца и не решив, какой из четырех цветов больше ласкает (или слепит) мой взгляд.

Тут кто-то нежно тронул меня за руку.

— Парень, не переживай ты так, попробуешь в следующий раз,— услышал я сквозь заволакивающий мое сознание туман женский голос,— давай я тебя провожу.

Приятно, конечно, и я бы с удовольствием прогулялся с девушкой по городу до дома, но я же ее не вижу. И вообще у меня виски начало ломить!

— Уберите свет! — не выдержав, крикнул я.

Глаза уже перестали что-либо различать, вместо двора я видел переливающееся уже ставшими мне ненавистными четырьмя цветами радуги зарево.

— Эй! Да у него сенситивный шок! — вскричала девушка.

Ко мне тут же подбежали еще какие-то люди.

— Заберите его отсюда и проводите в башню,— распорядился спокойный мужской голос.

Меня подхватили под руки и куда-то потащили. Когда сознание уже почти покинуло меня, я не к месту подумал о том, что какой-то подлец выхватил из моих рук музыкалу, прервав тем самым веселую мелодию.

И в тот же момент сознание отказалось меня покидать. Оно осталось со мной с дикой болью в глазах. Но даже эта боль была несравнима с тем, что было до нее.

Я пошатнулся от неожиданности и выдал такой вздох облегчения, что ведущие меня под руки остановились и испуганно уставились на меня, по всей вероятности, решив, что я уже испустил дух.

Два силуэта расплывались у меня перед глазами синими пятнами, и я понял, что это, по всей видимости, старшие ученики.

— Все в порядке, мне уже лучше,— выдавил я.

— Что с тобой случилось? — спросил взволнованный женский голос, и я наконец-то смог сквозь красную пелену увидеть красивое лицо девушки, встреченной мною на площади.

Я судорожно вздохнул и часто заморгал, пытаясь хоть как-то прогнать с глаз красную пелену и приобретая взамен троекратно усиленную головную боль.

— Да вот... стою смотрю на этот ваш непонятный цветастый комок... Кстати, вы вообще думаете, что делаете? Я же чуть не ослеп! Вы ведь говорили, что первое испытание не опасно, а тут такое... — Я задохнулся от переполнившего меня возмущения.

Что удивительно, я совершенно не понимал, что за чушь несу, и уж тем более никак не мог заставить себя замолчать до того момента, пока у меня не иссяк воздух в легких.

Девушка подозрительно посмотрела на меня и произнесла на удивление спокойным и тихим голосом:

— Ты шутишь?

Я прервал свою совершенно глупую тираду и удивленно уставился на нее.

Она пристально смотрела в мои красные и слезящиеся глаза до тех пор, пока я опять не пошатнулся и не оперся на стоящего очень кстати рядом парня.

— Э, да ты совсем плохой.— Она повернулась к парню, терпеливо державшему меня под руку.— Отведи его в кабинет Мастера Ромиуса, он разберется с этим «чудом» сразу после того, как закончит здесь.

У меня такое чувство, что она хотела сказать какое-то другое слово. С чего бы это?

Она повернулась и быстро пошла в направлении, противоположном тому, в котором меня потащил парень.

Я проводил девушку все еще мутным взглядом и перевел его на ведущего меня под руку парня. Такие же, как у меня, темные волосы, только начинающая расти борода и смешливые глаза. В общем, самый обычный парень, не считая того, что он принадлежит к лучшим ученикам Академии, о чем свидетельствует темно-синий оттенок ливреи (это я на тот случай говорю, если вы этого еще не запомнили).

— Да ладно,— сказал я, отстранившись,— сам дойду, ты только дорогу показывай. Как тебя зовут, а то как-то неудобно...

Парень улыбнулся:

— Ник.

— А меня Зак,— сказал я.— Очень приятно.

Больше ничего я сказать не успел, потому что мы подошли к входу в башню. Огромные двери казались такими же незыблемыми, как и сама башня. Однако, как только до них дотронулся мой провожатый, они на удивление тихо и мягко отворились, открыв моим глазам длиннейший коридор.

Ник зашел и поманил меня за собой. Я немного задержался, неожиданно осознав, что впервые в жизни вхожу в Академию Ремесла. Считалось большой честью попасть в нее, не являясь учеником или Ремесленником. Разве что наш правитель да специалисты из других стран могли войти в эту башню, да и то по специальному приглашению.

Я ступил на ковер и почувствовал, что ворота за мной так же тихо закрылись. Если бы не легкое дуновение ветра в спину, я бы вообще этого не заметил.

Мы пошли вперед по коридору, а под нашими ногами тихо шелестел золотой ковер. Похоже, Ремесленников магия золотого цвета тоже не миновала.

Каменные стены коридора угнетали. Мы проходили мимо множества однотипных дверей, и я быстро заскучал от монотонности окружающей нас обстановки. И чего такого особенного в этой башне, спрашивается? Подумаешь, высокая...

Мой провожатый, кажется, не желал общаться, да и у меня все еще жутко болела голова. Оставалось только смотреть по сторонам. Над нами светили самые обычные лампы, работающие на «магах», но я присмотрелся внимательнее и скоро заметил, что лампы не совсем простые. Они светили таким образом, что мы совершенно не оставляли теней. То же самое касалось и прочих предметов: изредка встречающихся ваз и красивых золотых доспехов. И это при том, что лампы попадались через каждые десять метров! Одна такая лампа как бы обволакивала светом весьма приличную площадь.

Мы подошли к какой-то двери, с виду ничем не отличающейся от прочих, и она, опять-таки моментально, открылась только от прикосновения Ника.